

Татьяна Еремеева

ГОРИ, ГОРИ ЕГО ЗВЕЗДА!..

Она взшла между Марсом и Юпитером, и сквозь дали небесные ее увидела Людмила Васильевна Журавлева, астроном Крымской астрофизической обсерватории. А вскоре новая малая планета № 3622 получила имя «Ильинский».

Теперь представьте: где-то бороздит волны наш сухогруз «Игорь Ильинский», а «все» в 507 млн. километров от Солнца ему светит в ночи новая планета. 29 сентября нынешнего года она блеснет на ближайшем расстоянии от Земли — в 349 млн. километров.

«Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь надо»... Это нужно нам всем, чтобы с годами мы не утрачивали памяти о людях, которые несли в себе свет подлинного искусства.

Ильинского нет с нами уже шесть лет (подумать только!), но его лебединая песня — спектакль «Вишневый сад» остается в репертуаре. А в доме, где он жил, кажется, ничего не изменилось. Те же его портреты на стене, те же книги, афиши, газетные вырезки. Ничто не сдвинуто с места, как будто Игорь Владимирович не покидал своей комнаты... Острее всего это чувство присутствия переживает Татьяна Александровна Еремеева, вдова великого артиста. Страничка за страничкой рождается ее новая книга об Ильинском. Не скрою, пришлось долго уговаривать Татьяну Александровну предоставить для публикации несколько эпизодов из незаконченной рукописи. Помогло открытие новой планеты, и она выбрала страницы, связанные со звездными часами Ильинского на эстраде.

Г. ВЛАДИМИРОВА.

...Мне нужно писать, не думая о том, что скажут редакторы и читатели, умеющие с легким сердцем судить обо всем. И вовсе не беда, если написанное станет в чем-то рассказом и о моей боли и моей любви к этому человеку. Я не хочу, чтобы то, что я оставляю, стало просто перечнем ролей, дат и биографических извлечений, я хочу, чтобы это была память и о художнике, и о живом человеке.

У меня нередко спрашивают: «А каким был Ильинский?»

На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Потому что Ильинских было несколько. Очень разных. И каждый стоит непростого ответа. Был Ильинский юный «артист-шалун», «звезда» немого кино. Потом — Ильинский, знаменитый артист театра Мейерхольда. Затем более зрелый, и уже несколько иной — артист Малого театра. Вскоре явился еще один Ильинский — мастер художественного слова, оставивший нам немало прекрасных записей русской классики — от Чехова до Толстого. Был еще Ильинский — автор книги «Сам о себе», выдержавшей три издания. Наконец, явился Ильинский — режиссер, получивший право делать то, что он любит. И все эти годы был еще Ильинский — борец, отважно протестующий против кноски, безвкусицы, вульгарщины, цензурных ножиц и лживых, не в меру усердных песнопений. Статьи его об искусстве сильно урезались, выправлялись, иногда шли в осколочном виде, иногда не шли совсем. Но все-таки журналисты — те, кто смелее, — шли к нему.

Был еще Ильинский — теннисист, был Ильинский домашний — очень простой, ласковый, любящий, Ильинский — отец, мудрый, вечно меняющийся человек, веселый и задумчивый, на гребне и в унынии, верящий в себя и не верящий, яростный и покорный, — в нем было все! Не было — лжеца, карьериста, обласканного судьбой себялюбца и завистника. Был художник. Была личность. Честная. Порядочная.

Его невозможно было не любить — со всеми его противоречиями, нервными вспышками, помноженными на душевную щедрость, с его способностью признать, где он неправ, и главное — с его умением творить, мечтать и жить на полной, интеллектуальной жизнью.

Конечно, у него была счастливая судьба. И, наверное, он был счастливым человеком. Немногих судьба выносит на поверхность уже в двадцать лет и немногим удается так щедро реализовать себя, пронеся свою славу через всю жизнь. Но это вовсе не значит, что он осознавал себя счастливым, что все было гладко, без срывов, упадка, разочарований, боли — всего того, что неизбежно и что в конечном итоге обогащает художника.

Человеку счастливой судьбы так легко пуститься в пустое порхание по жизни, и потому безнадежно отстать. За счастливое начало жизнь требует еще большего труда. Ильинский счастливо обошел острые углы славы — он всегда относился к себе критически.

Сергей Юткевич как-то обронил в одном из своих эссе, что кино в долгу перед Ильинским, и это было истинной правдой. Ильинский не сделал в кино того, о чем мечтал.

Годы 1928—1930-е были для него годами известного кризиса. Кризис — вещь законная и необходимая, она подталкивает художника вперед. Старые комические роли, которые и сейчас нельзя смотреть без радостного удивления — столько в них одержимости, озорства, беззаветности и готовности к чему угодно, — стали для него забавами. Да, они создали ему имя, если хотите, славу, но настоящий Ильинский — не в этом, он куда глубже, мудрее, значительнее — вообще неизмеримо выше.

Прошло время, и он стал тяготиться бездумностью сценариев, которые ему предлагали. Он хотел рассказывать не просто смешные истории о смешном человеке. Он хотел, чтобы смешные ситуации приводили его героя к вовсе не смешным выводам. Он мечтал о живой человеческой судьбе, но таких сценариев не было. Легкомысленный лозунг некоей ткачихи «Жить стало лучше, жить стало веселее» старательно воплощался в жизнь. Сценарии писали о том, о чем можно было писать.

Он искал отдушины. И отдушиной этой стало художественное чтение. Ильинский на эстраде — это один из самых интересных Ильинских. Здесь он и шутит, и издевается, и задумывается, и плачет, и скорбит — вспомним его завет: «Смехом и слезами помогать добру и правде». Отчего же, спрашиваю я себя, этот комик, этот «артист-шалун», выбрал для эстрады, для своих первых выступлений, казалось бы, столь не сценическую историю «Старосветских помещиков»?

Ему было всего двадцать восемь лет. Знаменитый комик, «Закройщик из Торжка» и «Тапиока» — на эстраде! Сам собой! Живьем! Один! Зрители ждут — чем удивит? Чем рассмежит? Что расскажет о неурядицах на съемочной площадке? Но Ильинский выходит на борьбу. Скромный, в добротном костюме, великолепных ботинках с узким носком, сняв очки, он начинает читать. «Рассказ Карла Ивановича». «Эх, обманул Ильинский! — писала в 1929 году саратовская газета, — и не только зрителей — самого себя! Еще пара таких выступлений и конец любви и популярности!». И еще: «Игоряда и халтуряда»...

Мог ли этот газетный бум не повлиять на самочувствие артиста? Тяжело мне было выходить после такого концерта с поднятым воротником и слышать: «Халтура! Знал бы, лучше пол-литра купил». Непросто давалось Ильинскому это новое амплуа, хотя и кинулся он в него все с той же своей отвагой. В первые годы, в «Старосветских», его больше привлекало желание «представить» этих старичков, с доброй улыбкой поиграть их наивную, трогательную любовь и прелесть трапез, так вкусно выписанных Гоголем. Его внимание занимал скрип двери (ах, как изумительно он это делал, как показывал улетающего арбуз Афанасия Ивановича, локтями смахивающего с груди мокрые семечки). Позже все великолепнее зазвучали авторские отступления, и как самое главное, самое святое — одиночество Афанасия Ивановича. И чем старше становился сам артист, переживший утраты и потери, тем глубже, непостижимее становилась фигура Афанасия Ивановича и трагичнее звучал финал.

— Что ты все читаешь своих «Старосветских»? Пора бы бросить! — с некоторым неудовольствием, а может быть, и под чьим-то нажимом говорил ему один из руководителей Малого театра. — Ну кому нужен твой рассказ о двух недалекых старичках?

О, нет! В нехитрой истории этих «старичков» в устах Ильинского звучал такой мощный призыв к доброте, такое человеческое восхищение их любовью, такое истинное уважение к старости!

— Я буду это читать, — отвечал Ильинский тому имениннику товарищу, потому что не знаю более важного, более святого и нравственного произведения.

«Дорогой Игорь Владимирович! Я должен сказать, что в жизни искусства происходят удивительные явления — я не боюсь этого определения — именно таким явлением и было ваше выступление, где действует один артист-исполнитель, а освещает целую эпоху. Так доходчиво все — и интонация, и облик тех, о ком вы говорите, и гениальный гоголевский текст... Но вся штука в том, что другой артист не сможет выступить подобно вам и поведать ту печальную, овеянную добротой и теплотой романтику, которая заключена в повести Гоголя. Ведь никто другой, как Ильинский, может уметь комиковать! Но нарисовать живого Гоголя, отдаленных столетиями героев, нарисованных им так человечески правдиво, искренно, обнажено, душа с душой говоря — это дано далеко не каждому».

И. Козловский. 1972 год.

Репертуар Ильинского рос — явились Чехов, Л. Толстой, Зоценко, Леонид Андреев...

Сохранилось письмо Анатолия Петровича Кторовы:

«Дорогой Игорь! Пишу тебе потому, что слушал твою «Кураку». Как же это, братец, замечательно! Таким искусством стоит заниматься, если кому оно дано. Я получил из Ленинграда от Зона письмо — он пишет, что ему так понравилось, что он не мог не написать мне об этом. Знаешь, к старости, когда меняются отношения и требования к искусству, мне мало, если актер играет только то, что есть у автора, мне надо, чтобы он сказал мне то, чего нет в материале, который он играет. Очевидно, в этом и есть ценность нашего искусства. Я только недавно понял, что иногда пытаюсь отказаться от хорошей роли, потому что подсознательно чувствую, что не смогу найти в ней того — собственного, без чего не интересно быть актером. (Снегири, 1965 год)».

Я не случайно задерживаюсь на этих письмах.

Сличая их, мы видим, как двигался Ильинский к совершенству, как был верен себе, как был предан теме, выбранной им уже в двадцать восемь лет. Помните: «Смехом и слезами»?.. Меня всегда занимал вопрос — отчего режиссеры кино не видели, не угадывали вот это зерно в таланте Ильинского — глубоко трагическое, нравственно-высокое? И не стремились использовать?

Увидел и понял это только один режиссер — Борис Иванович Равенских. Ему обязаны мы и Акимом из «Власти тьмы», и позже — образом Льва Толстого в спектакле «Круги своя» И. Друцэ.

Сорок лет читал Ильинский «Старосветских помещиков». Сорок лет очищал свою работу от лишнего. Чаплину принадлежат слова: «Чтобы создать шедевр — одной жизни мало». Нет, все не так просто, как кажется это случайному слушателю — выучил и пошел читать. И опыт дает в этом смысле мало шансов на спокойствие.

Что же такое труд тещи? Труд адский, самосжигающий. Это дикое напряжение памяти, это способность смыслово, и в образах не только запомнить — прожить авторский текст во внутреннем его движении.

Я не раз была свидетельницей того, как теще «забывал» на эстраде текст, и мучительнее этого, я думаю, он не знал ничего на свете. Не всякий зритель поймет это и про-

стит — зритель вовсе не так добр, как принято думать, он очень и очень неоднозначен. Как часты суждения оскорбительные («лучше бы пол-литра купил»), пристрастные, и как страшно, когда эти мнения достигают ушей актера, надолго лишая его счастья творчества. Эжен Делакруа справедливо утверждал, что мало иметь талант — нужно еще, чтобы талант этот был поддержан общечеловеческой ответственностью.

С сольными концертами Ильинский объездил всю страну. «Сейчас льет дождь, — читаю я в одном из его писем, — и я не знаю, полетим ли мы сегодня в город Луцк. Каждый день мы летаем с концерта на концерт — устал и заматался я ужасно».

Что же такое разовое выступление, например, в Большом театре в юбилейные даты, на правительственном концерте? Концерты эти за день или в тот самый день прослушивались представителями от министерства. Чаще в зале сидели самые «главные». Естественно,

что на таком концерте не читались произведения длинные, для улыбки зала требовалась басня. Но басни принимались с осторожностью — не дай бог, намек на что-то или на кого-то! Особенно тревожно обстояло дело с басней «Кошка и соловей». «Худые гесни соловью в котях у кошки». Здесь наступала некая, полная смятения, пауза, шел тихий обмен мнениями. А что? По-моему... это можно? Все-таки — Крылов. («Сон Попова» А. К. Толстого читать было нельзя. Это запрещалось дважды). Опасный, хотя и смешной случай произошел с Игорем Владимировичем на одном из таких концертов.

Заявлена была басня Крылова «Парнас». Текст такой: «Когда из Греции вон выгнали богов, и по мирянам их делить поместья стали, Кому-то и Парнас тогда отмежевали».

Уж не знаю, что произошло с программой у ведущего, видимо, кто-то запаздывал, но только когда Игорь Владимирович появился — а пришел он всегда заранее, — ведущий схватил его за руку «Ах, И. В. — готовьтесь! Следующий — Вы!» Игорь Владимирович оторопел, стал повторять первые строчки... и забыл. Забыл встать к ступеньке. Схватился за голову и нелепо стал спрашивать, нет ли у кого с собой Крылова? Но ведущий высочил со сцены и сказал: «Вас объявили!». И он вышел... О, Господи, — стучало в нем, — а в ложе сидели... знаете кто? А концерт транслируется... И он прочел так.

Широко и четко: «Когда из Греции вон выгнали богов...» (пауза) и неразборчиво быстро, — и трам ля лял, лялям делить поместья стали, Кому-то и Парнас тогда отмежевали!» Спрашивал потом у всех — вы ничего не заметили? Никто ничего не заметил. Хвалили. Сошло!

И за все это 15 рублей 50 копеек! + 75 процентов «за мастерство». Была у Гастрольбура и еще одна прелестная задумка: за гастроли в южных городах — надбавка отменялась. «Все-таки юг, — рассуждала эта уважаемая организация, — будет человек купаться в Черном море, словом — он на курорте!» Остальное — не имеет значения.

Ныне художественное чтение ушло с эстрады. Жаль. Это была великая просветительская, воспитательная работа.

Фото В. Дозорцева.